

симостью одного рассказа от другого, они различны по своему отношению к описываемым событиям. Автор рассказа Тверского сборника подробно говорит только о том, что было уже после того, как Михаил попрощался с детьми, «веля же последовати благым своим нравы, братолюбие имети».⁷⁸ По сравнению с тем, как детально описывается эта сцена в Н4Л и как обстоятельно там рассказано, что именно завещал своим детям Михаил, здесь, в Тверском сборнике, автор просто обходит эту сцену, глухо, скороговоркой сказав лишь только одну приведенную фразу. Он выбросил то, что обычно в древнерусских памятниках точно передавалось и сохранялось, — текст «завещания» Михаила, описание раздела уделов. Ему зато важно то, что после пострижения в монастыре Михаил призвал епископа Арсения и распорядился о вокняжении Ивана, и то, как объявил об этом Арсений народу; и что ответил народ (последнее — черта, редкая в памятниках древней Руси). Для автора же рассказа Н4Л ход событий как бы оканчивается с пострижением Михаила. После этого он кратко сообщает, что Михаил «пребысть в монастыри 7 днии, и в той же день преставися»,⁷⁹ и переходит к заключительной похвале Михаилу, отсутствующей, как мы уже сказали, в Тверском сборнике.

Ясно, что это два разных рассказа, что они написаны разными лицами и с неодинаковыми целями. Того «летописного» рассказа, который был во Владимирском полихроне и имеется в Н4Л, нет в Тверском сборнике.

А. А. Шахматов считал, что в Никоновской, Симеоновской и в Тверском сборнике (под 1402 г.) — одно и то же житие Михаила, только «в Симеоновской начало жития опущено»,⁸⁰ а в Тверском сборнике оно переработано в «Летописец». Поскольку выяснилось, что «Повесть» Тверского сборника не подвергалась такой переработке, то тем более (если верна шахматовская схема движения «Повести» по летописным сводам) она должна быть тождественна «Повести» Никоновской летописи. Отсутствующий же, по мнению А. А. Шахматова, в Тверском сборнике конец ее — рассказ о смерти Михаила — должен находиться в Никоновской и Симеоновской.

Однако сличение текстов «Повестей» Никоновской летописи и Тверского сборника показывает, что они представляют собой две разные редакции этого памятника, написанные разными лицами и с разными целями. Обе они сходны по своему составу, «Повесть» Тверского сборника несомненно составлялась на основе «Повести», сохранившейся в Никоновской летописи, но в них на каждом шагу встречаемся с различным отношением их составителей к одним и тем же фактам и явлениям.

Мы уже отмечали, что составитель «Повести» Никоновской летописи большое внимание уделил поведению Александра Михайловича после Щелкановщины, тогда как составитель «Повести» Тверского сборника, напротив, интересуется более всего его поведением во время событий Щелкановщины. И это не случайно. Для составителя «Повести» Тверского сборника главный враг Александра Михайловича, Твери и всей Руси — татары. Только они виноваты в событиях Щелкановщины, а затем и в гибели Александра. Щелкан с Азбяком все это сами задумали и провели, «завистью вземшися на сего Александра». Составитель не жалеет резких эпитетов при упоминании имен обоих: «нечестивый», «поганный», «окаянный», «лукавейший». Составитель же «Повести» Никоновской летописи иначе относится к татарам. Щелкан для него только «Щелкан

⁷⁸ ПСРЛ, т. XV, стлб. 460.

⁷⁹ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, в. 2, стр. 389.

⁸⁰ А. А. Шахматов. *Общерусские летописные своды...* ЖМНП, 1901, № 11, стр. 64, прим. 1.